
Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма

Попов А.Д.

В статье раскрывается взаимосвязь массового советского туризма 1960–1980-х гг. и официального дискурса исторической памяти о Великой Отечественной войне. Особое внимание уделено использованию мемориальных комплексов как объектов туристского показа, роли внутреннего и зарубежного (выездного) туризма в военно-патриотическом воспитании, а также индивидуальному восприятию трагизма и героики войны советскими туристами.

Ключевые слова: историческая память, мемориальный комплекс, мемориальные практики, военно-патриотический туризм, туристский маршрут.

The article explores the interrelation between the Soviet mass tourism in 1960-s–1980-s and the official discourse of World War II historic memory. Particular focus is laid on using memorial complexes as tourist sites, on the role of internal and outbound tourism in patriotic education, on individual perception of tragedy and heroism of the war by Soviet tourists.

Key words: historic memory, memorial complex, memorial apprenticeships, military and patriotic tourism, tourist route.

Феномен туризма настолько многогранен, что его всесторонний анализ приводит к появлению все новых и новых междисциплинарных исследований, где на помощь теоретикам и практикам туристской деятельности приходят историки, географы, экономисты, социологи, культурологи, психологи, представители других научных дисциплин. В част-

ности, перспективным, но недостаточно разработанным, является вопрос о взаимосвязи туризма и исторической памяти в конкретном социуме. Так, на отечественном материале эта тема достаточно глубоко рассматривается лишь в работе американского исследователя Дианы Кoenкер (Diane Koenker), которая обращается к проблеме использования памятников революции 1917 г. в советских туристских практиках [1]. Однако не меньшего внимания заслуживают туристские проекции исторической памяти о событиях 1941–1945 гг., тем более что сегодня в сознании большинства жителей постсоветского пространства идеология Великой Отечественной войны является гораздо более актуальной и легитимной, нежели идеология Великой Октябрьской социалистической революции.

В первые послевоенные годы память о трагических событиях 1941–1945 гг. естественным образом присутствовала в повседневном сознании людей военного поколения. Она еще не приобрела того героического пафоса и монументального размаха, который был характерен для последующих десятилетий. Однако с 1960-х гг., когда поколение непосредственных участников и свидетелей войны начало сменяться следующим поколением, органы государственной власти СССР начинают прилагать особые усилия для того, чтобы в сознании советских граждан Великая Отечественная война продолжала оставаться цен-

тральным историческим событием, мобилизационным фактором исторической памяти [2].

Именно в 1960–1980-е гг. на территории страны появляются десятки крупных мемориальных комплексов, среди которых своими нетривиальными инженерно-архитектурными решениями выделялись «места памяти» в Волгограде (1967), Бресте (1971) и Киеве (1981). В этот же период на территории Советского Союза приобретает подлинно массовый характер и весьма динамично развивается внутренний туризм. Если за 1969 г. в стране было обслужено 7,2 млн туристов, то в 1985 г. — уже 38,0 млн туристов. Число обслуженных экскурсантов возросло с 28,5 млн чел. (1969 г.) до 204,0 млн чел. (1985 г.) [3, с. 63]. Сочетание этих двух факторов предопределило особое значение памяти о Великой Отечественной войне в советских туристских практиках. Именно в период с 1965 по 1985 гг. был окончательно определен круг городов, получивших почетное звание «городов-героев». Практически все они играли заметную роль и в развитии советского туризма, через них проходило значительное количество туристских маршрутов всесоюзного и местного уровня, их посещали миллионы участников железнодорожных, автобусных, авиационных, речных и морских путешествий.

Крупнейшие туристско-экскурсионные центры СССР (Москва, Ленинград, Киев) одними из первых были награждены званием городов-героев, что сделало их еще более привлекательными для потенциальных вояжеров. На территории этих городов-героев существовало несколько крупных военно-мемориальных объектов, созданных в разные исторические периоды. Но ключевое место среди них занимали Памятник-могила Неизвестного солдата и Парк Победы в Москве, Пискаревское мемориальное кладбище в Ленинграде, Мемориальный комплекс-музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на берегу Днепра в Киеве. Учитывая драматизм и масштабы вооруженной борьбы за эти ключевые в военно-стратегическом отношении города, в их ближних и дальних окрестностях со временем сформировались

своеобразные «рубежи (кордоны) памяти», которые также активно посещались туристами и экскурсантами. В качестве наиболее характерных примеров можно назвать 58-метровый монумент защитникам Москвы возле Зеленограда, монумент-памятник 28 героям-панфиловцам у деревни Нелидово (Московская область), а также «Зеленый пояс Славы» Ленинграда, включавший около 60 памятников и мемориальных ансамблей [4. С. 25, 92].

Особое место занял город-герой Волгоград (Сталинград), мемориалы которого стали визуальными символами «коренного перелома» в ходе Великой Отечественной войны. Открытый 15 октября 1967 г. памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане стал классическим образцом, общепризнанным эталоном советского мемориального искусства [5. С. 124–128]. В Одессе и Севастополе, а также Керчи и Новороссийске, тематика Великой Отечественной войны гармонично дополнила популярные сюжеты из более далеких периодов истории, не изменив при этом рекреационную специализацию приморских городов-героев. Они, в частности, принимали значительное количество пассажиров круизных судов, курсирующих по Черному морю. Значимые «места памяти» о Великой Отечественной войне (город-герой Минск, крепость-герой Брест, мемориальный комплекс «Хатынь») в 1960–1980-е гг. сыграли большую роль в развитии туризма на территории Белорусской ССР, где концентрация известных природных или историко-культурных достопримечательностей была относительно невелика.

Массовое посещение мемориальных комплексов способствовало трансляции сложившейся концепции исторической памяти от людей военного поколения к последующим поколениям советских граждан. Эта преемственность достаточно хорошо прослеживается в текстах записей, сделанных в 1960–1980-е гг. на страницах «Альбомов Памяти» мемориального комплекса на Мамаевом кургане в Волгограде. Подписи под ними указывают на то, что их авторы прибыли в город-герой на Волге из Астрахани, Москвы, Ка-

зани, Новосибирска, Перми, Севастополя, Тюмени, Грузинской ССР, республик Средней Азии и многих других регионов страны. Приведем лишь некоторые, наиболее характерные записи: «Помним о вас, герои! У легенды есть продолжение, у героев — последователи. Клянемся быть верными вашей клятве!»; «Я поняла теперь здесь, на Мамаевом кургане, какой ценой завоевано счастье для нас, молодых!»; «Когда становишься на эту священную землю, то ... на глазах слезы, но не жалости, а большой гордости за Родину, за ленинскую партию, воспитавшую таких героев!»; «Потомки! Лучшая память павшим — это ваш честный и добросовестный труд во имя коммунизма!» [6. С. 41–42, 111, 118, 128].

Пики общественного внимания к теме Великой Отечественной войны традиционно совпадали с юбилейными датами. Так, в издававшемся с 1966 г. журнале «Турист» наибольшее количество материалов на военную тематику можно найти в майских номерах 1975 г. (30-летие Победы) и 1985 г. (40-летие Победы). Вот что писал автор одного из таких юбилейных материалов: «В год 40-летия со дня великой Победы многие туристы идут маршрутами мужественных рубежей войны.... Мы особенно внимательны к каждому обелиску, ... к каждому ветерану Великой Отечественной войны, ко всем творцам нашей Победы» [7].

Помимо того, что в программе практически каждого путешествия затрагивалась тема Великой Отечественной войны и предусматривались посещения соответствующих объектов показа, в 1960–1980-е гг. появилось несколько всесоюзных туристских маршрутов сугубо военной тематики. Наиболее известные среди них: «По местам боевой славы» (Москва–Могилев–Минск–Брест), «Огненная дуга» (Орел–Курск–Белгород–Харьков), «По рубежам обороны Севастополя» [8. С. 5; 9. С. 71–75]. Деятельность советских партизан и подпольщиков в военный период также стала «стержневой» темой для ряда всесоюзных маршрутов: «По партизанским местам Белоруссии», «По партизанским местам Кубани», «По партизанским местам Восточного Кры-

ма», «Молодогвардейский» (Ворошиловград–Краснодон–Боково-Платово — Жданов) [10. С. 20, 23].

Развитие советского транспортного туризма привело к появлению железнодорожных туров по городам-героям. Их маршруты могли изменяться в силу различных организационных факторов и, как правило, были построены по кольцевому принципу (например, Москва–Киев–Одесса–Севастополь–Москва или Киев–Одесса–Севастополь–Волгоград–Киев) [11. С. 109; 12. С. 198]. Иногда подобные маршруты ограничивались территорией одной из союзных республик. Так, в 1980-е гг. действовал железнодорожный маршрут «По городам-героям Украины» (Севастополь–Одесса–Киев). У участников этого 18-дневного путешествия была насыщенная программа, в которой преобладали экскурсии военно-патриотической тематики: «Севастополь, достойный поклонения», «Памятники Сапун-горы», «Памятные места Одессы», «Подвиг Одессы в годы Великой Отечественной войны», «По местам боев за освобождение Киева», «Путь к Победе», «Никто не забыт» [9. С. 95–96].

Обычно туристский поезд состоял из 12–15 купейных вагонов, в которых могли одновременно путешествовать около 400 туристов. Состав пассажиров отдельных рейсов туристских поездов иногда ограничивался определенной категорией туристов. Например, это могли быть ветераны Великой Отечественной войны, ударники социалистического труда, активисты комсомольского движения. Однако существовал ряд объективных факторов, сдерживающих развитие железнодорожных путешествий, в том числе по городам-героям. С одной стороны, они могли активно проводиться лишь в месяцы с наименьшим сезонным пассажиропотоком (октябрь, декабрь, февраль–апрель), а предложения советов по туризму и экскурсиям о круглогодичной аренде пассажирских поездов не встречали поддержки со стороны Министерства путей сообщения СССР [13. Л. 52–53]. С другой стороны, для приема туристских железнодорожных составов необходимы были специально

оборудованные стоянки с определенными санитарно-гигиеническими и бытовыми условиями. За время существования Советского Союза они так и не были созданы в ряде популярных среди туристов городов-героев – таких как Ленинград, Новороссийск, Керчь.

Как уже отмечалось выше, именно военно-патриотическое воспитание молодежи, не имевшей личного военного опыта, стало сверхзадачей советского мемориального туризма в 1960–1980-е гг. В связи с этим особое значение приобрел Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы коммунистической партии и советского народа. Он был инициирован ЦК ВЛКСМ в 1965 г. и продолжался вплоть до 1987 г. За это время участниками Всесоюзного похода стало свыше 60 млн представителей советской молодежи [14. С. 32]. Они совершали многочисленные путешествия, походы и экскурсии, часть из которых проходила по местам боевой славы. В ходе туристско-экскурсионных мероприятий они не только осматривали эти памятные места, но и собирали документальные, вещественные и устные источники по истории Великой Отечественной войны, участвовали в сооружении и благоустройстве памятных знаков и памятников, оказывали шефскую помощь инвалидам войны и семьям погибших.

Лучшие участники похода получали право принять участие во всесоюзных слетах, которые проводились в Бресте (1965), Москве (1966, 1973), Ленинграде (1967, 1987), Киеве (1968), Ульяновске (1970), Волгограде (1975), Иваново (1977), Минске (1980), Ереване (1982), Туле (1985). Однако один из ветеранов отечественного туризма и активнейший участник туристско-краеведческой работы с молодежью Г.С. Усыскин отмечал, что в погоне за массовостью и идеологической эффективностью туристская сущность Всесоюзного похода со временем была утрачена. В его рамках стало проводиться все больше различных мероприятий, никак не связанных с туризмом – от субботников до конкурсов токарей [15. С. 187–196]. Кроме того, даже некоторые руководители этой масштабной

кампании признавали, что иногда ей были присущи и такие негативные проявления, как «формализм, парадность и шумиха» [16. С. 5].

Начиная с середины 1950-х гг., в СССР постепенно увеличивались масштабы зарубежного (выездного) туризма. Достаточно сказать, что если в 1956 г. за рубеж отправилось 561 тыс. советских туристов, то в 1965–1987 гг., их количество достигло уже 4,5 млн человек [17 С. 18; 18. С. 154]. Пребывание значительного числа граждан СССР (разумеется, не только туристов) на территориях, связанных с завершающим периодом Великой Отечественной войны, обусловило процесс перенесения советских мемориальных практик в страны Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Так, советские туристы посещали мемориальные комплексы на месте бывших нацистских концентрационных лагерей и на территории своей страны («Саласпилс», Латвийская ССР), и в странах «социалистического лагеря» («Освенцим», ПНР) и в капиталистических странах («Матхаузен», Австрия). Наиболее известные мемориальные комплексы на месте полностью уничтоженных во время войны деревень – Хатынь (Белорусская ССР) и Лидице (ЧССР) – также находились по разные стороны государственной границы Советского Союза.

Крупнейшими «местами памяти» о Великой Отечественной войне за пределами СССР стали мемориальные комплексы советским воинам-освободителям в болгарском городе Пловдиве, на Ольшанском кладбище (Прага) и Холме Славы (Братислава), а также на горе Геллерт (Будапешт). Возложение живых цветов или венков к этим или другим мемориалам являлось обязательным атрибутом путешествий советских туристов по социалистическим странам Европы. Иногда в документах мы находим и более редкие мемориальные практики, когда советские люди специально привозили к памятникам своим соотечественникам, погибшим на чужбине, горсть родной земли или букет засушенных полевых цветов.

Воспоминания о военном прошлом приобретали наивысший эмоциональный накал во время путешествий советских граждан по

немецкой территории. При этом социалистическая ГДР, в отличие от капиталистической ФРГ, являлась одним из лидеров по приему советских граждан. Достаточно сказать, что к 1990 г. Восточную Германию посетило около 2 млн советских туристов [19. С. 38].

Стремясь продемонстрировать лояльность «Старшему Брату», туристские организации ГДР активно включали в программы их путешествий такие мемориализированные объекты показа, непосредственно связанные с военной историей, как Бухенвальд, Потсдам, Зеленовские высоты, зал-музей Группы советских войск в Германии (Карлсхост). Например, мемориальный комплекс в бывшем концентрационном лагере Бухенвальд действовал с 1958 г., и к 1980-м гг. его ежедневно посещало 15–20 советских групп (400–500 человек) [20. Л. 101–102]. Эти объекты включались в программу практически каждого путешествия, а некоторые туры были полностью подчинены военной тематике, например «По дорогам освободителей от фашизма» (Франкфурт-на-Одере–Дрезден–Иена–Берлин) [21. С. 39].

Идеологическим «стержнем» поездки становилось возложение цветов и венков к расположенным на территории ГДР мемориалам и памятным знакам советским воинам-освободителям и жертвам нацизма. Такие коллективные действия служили важным фактором психологической мобилизации участников туристской группы, способствовали укреплению эмоциональных связей между ними. Центральное место среди «мест памяти» на немецкой земле занимал мемориал в Трептов-парке (Берлин). Например, по данным Представительства «Интуриста» в ГДР за 1976 г. Восточную Германию посетило 59 тыс. туристов из СССР, причем абсолютно все они посетили данный мемориал [22. Л. 26]. Эмоции и переживания, которые наполняли сердца советских граждан во время подобных действий, достаточно точно характеризует цитата из отчета руководителя одной из туристских групп: «Незабываемым остался в нашей памяти мемориальный комплекс в Трепотов-парке, а возложение цветов

к памятнику советскому воину-освободителю стало кульминацией всей поездки, наполнило каждого из нас гордостью и радостью за наш великий народ ...» [23. Л. 143].

Следует отметить, что на протяжении всей поездки по ГДР туристы из СССР обязательно пытались понять отношение немецкого народа к событиям прошлого, услышать от его представителей слова раскаяния и благодарности. Если эти ожидания оправдывались, это доставляло гостям из Советского Союза огромное удовлетворение. В одном из отчетов за 1959 г. говорилось: «... самое главное, что вынесли туристы из поездки — это вера в то, что немецкий народ, активно включившись в социалистическое строительство, ... отдает должную дань благодарности и уважения к советскому народу, вызволившему немцев из-под фашизма» [24. Л. 157].

Однако очень часто немецкие гиды-переводчики или рядовые граждане Восточной Германии пытались уклониться от военной темы, что вызывало у советских туристов понятное негодование. В одном из отчетов за 1985 г. описывалось возмущение туристов в связи с тем, что от местных гидов они «...ни слова не слышали осуждения фашизма, Гитлера как главного виновника, ввергнувшего миллионы людей в кровопролитную войну. Ни словом никто не обмолвился, что советская армия разгромила фашизм и принесла свободу» [25. Л. 25].

Если многие жители социалистических ГДР, Венгрии или Румынии просто старались обойти в разговорах военную тему, то во время посещения ФРГ или Австрии советские туристы могли стать невольными свидетелями собраний неонацистов, что вызывало у них настоящий шок. Иным здесь было и отношение к войне и связанным с ней мемориальным местам. К примеру, в мае 1970 г. руководитель одной из групп советских туристов так описывал свои впечатления о посещении расположенного в Австрии концентрационного лагеря Матхаузен: «Очень больно и обидно, что местное население, живущее вокруг Матхаузена, не возложило ни одного цветка на могилы погибших». Здесь же он с возмущением констатировал, что «день

победы над фашистской Германией они [австрийцы] не празднуют, а празднуют сентябрь 1955 г., когда ушли, как они заявляют, оккупационные войска» [26. Л. 5, 9].

Таким образом, воспоминания о событиях Великой Отечественной войны стали едва ли не основной «идеологической доминантой» советского туризма послевоенного периода. Эта тема находила живой отклик в душе людей военного поколения, а органы государственной власти прилагали большие усилия для того, чтобы активизировать трансляцию героико-патриотической парадигмы Великой Отечественной войны последующим поколениям советских граждан. Активная мемориализация «мест памяти», связанных с событиями 1941–1945 гг., создала богатейший визуальный ряд для военно-патри-

отических путешествий и экскурсий. А рассказ экскурсовода при их посещении не казался советскому человеку противоречивым или излишне пафосным (как это стало с окончательно мифологизированной в годы «застоя» идеологемой Великой Октябрьской социалистической революции). С несколько меньшим успехом идеологема Великой Отечественной войны использовалась во время организации путешествий советских граждан за рубеж, поскольку жители других государств могли являться носителями иной концепции исторической памяти. Но контакты советских туристов с местным населением имели кратковременный, эпизодический характер, поэтому не угрожали сложившемуся в их сознании представлению о войне 1941–1945 гг. как «Великой» и «Отечественной».

Литература

1. Кoenкер Д. Исторический туризм: революция как туристическая достопримечательность // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX–начало XX века): научные доклады междунар. коллоквиум (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2007 г.). – СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 112–128.
2. Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ko16.html>. Дата обращения: 5.02.2010.
3. Квартальнов В.А., Федорченко В.К. Туризм социальный: история и современность. – К.: Вища школа, 1989. – М.: Наука, 1993. 342 с.
4. Имя твое бессмертно: Краткий иллюстрированный справочник / Под общ. ред. Ю.В. Плотникова. – М.: Политиздат, 1976. 143 с.
5. Подвиг народа: Памятники Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / Сост. В.А. Голиков. – М.: Политиздат, 1980. 318 с.
6. Голос сердец: Сборник / Сост. В.Б. Ростовщиков, И.М. Кандауров. – 2-е изд. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1985. 144 с.
7. Харламова Т. Не забудем ни на час // Турист. – 1985. – № 5. С. 4.
8. Лупандин С.А., Пеунов В.Г. Туристские путешествия по СССР. – М.: Профиздат, 1976. – 224 с.
9. Бражник А.В., Шемраев Э.С. Туристские маршруты Крыма: Путеводитель. – Симферополь, Таврия, 1989. 240 с.
10. Туристские маршруты / Сост. Г.Н. Семивол, К.Е. Шапкина. – М.: Профиздат, 1980. 144 с.
11. Туристские маршруты / Сост. Л.П. Филиппова, Н.А. Ивашкина. – М.: Профиздат, 1975. 160 с.
12. Туристские маршруты: Сборник маршрутов советов по туризму и экскурсиям: Справочник / Сост. В.С. Качанов. – М.: Профиздат, 1990. 256 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 82. Д. 32.
14. Дмитриев Э.Г., Шляков В.В. Походы по местам славы. – М.: Профиздат, 1986. 176 с.
15. Усыскин Г.С. Очерки истории российского туризма. – СПб.: Герда, 2000. 224 с.
16. Лаврентьев М. Школа мужественности и гражданственности // Турист. – 1985. – № 1. С. 4–5.
17. Исмаев Д.К. Туризм – путь взаимопонимания между народами. – М.: Знание, 1977. 48 с.
18. Федорченко В.К., Дьорова Т.А. Історія туризму в Україні: Навч. посіб. – К.: Вища школа, 2002. 195 с.
19. Дитце Х. Приезжайте, будем рады // Турист. – 1990. – № 1. С. 38–39.
20. Объединенный ведомственный архив Федерации независимых профессиональных союзов Крыма (ОВА ФНПС Крыма). Ф. Р-3776. Оп. 4. Д. 2787.
21. Баден Х. Город красных гвоздик // Турист. – 1987. – № 5. С. 38–39.
22. ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 1024.
23. ОВА ФНПС. Ф. Р-3776. Оп. 4. Д. 2788.
24. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. Р-3776. Оп. 1. Д. 321.
25. ОВА ФНПС Крыма. Ф. Р-3776. Оп. 4. Д. 2867.
26. ГААРК. Ф. Р-3776. Оп. 1. Д. 1421.